

**«НИКТО НЕ ЗАБЫТ И
НИЧТО НЕ ЗАБЫТО!»**

ОЛЬГА БЕРГГОЛЬЦ

Эти легендарные строки были высечены на мемориальной стене Пискаревского кладбища, где похоронено полмиллиона жертв Ленинградской блокады.

Перед вами будет судьба человека, пережившего блокаду Ленинграда. Это история девочки Нади, которую та не забудет никогда. Голод, смерть, отчаянное противостояние, беспрецедентное мужество и борьба за мир – её правда, её выстраданная реальность. Как стояла в очередях за хлебом, как спасалась от бомбёжек, как делилась с близкими чёрствой корочкой хлеба, как теряла родных.

Мы и следующее поколение должны знать, какое страшное лицо бывает у войны. Ведь забытая история, увы, имеет особенность повторяться.

До войны мы жили хорошо.

Я, Надя, родилась в Ленинграде 31 марта 1929 года. Когда началась война мне было 12 лет. Я жила в небольшом рабочем посёлке Невдубстрой, что в 30 км. от города Ленинграда. Во время Великой Отечественной Войны на этом месте располагался знаменитый Невский пяточок, где полегла не одна тысяча наших солдат, защитников Ленинграда.

До войны посёлок был окружён хвойными лесами. И, лес, почему-то, называли лесопарком. И он действительно был похож больше на парк, чем на лес. Огромные вековые сосны и ели окружали поселок с трёх сторон. Земля была усеяна толстым слоем опавших с деревьев иголок, и ходить по ней было мягко и приятно, словно по дороговому пушистому персидскому ковру. Несмотря на запреты родителей, мы, дети, любили поваляться на этих мягких душистых иголках, за что каждый раз получали нагоняи. Родители боялись, что мы, валяясь на земле можем простудиться.

Впервые в жизни я услышала настоящую живую музыку именно в этом лесопарке. Интерес к музыке у меня появился с пелёнок. Мне рассказывали, что, когда я была маленькой, стоило только заиграть какой-то музыке, прекращались с моей стороны все капризы, и я могла лежать целыми часами, наострив уши. В выходные дни мы часто проводили в городе. Гуляли по городу, по паркам, в зоопарке. Заходили в магазины, где родители покупали какие-то вещи. Очень часто заходили в гости, то ли к хорошим знакомым, то ли к родне. Я так и не поняла, кем они нам приходились. Но принимали они нас с большим радушием и гостеприимством. Иногда они приезжали к нам в Невдубстрой. Где находился их дом, я могу рассказать и сейчас – это угловой дом Лиговки и улица Жуковского, рядом с трамвайной остановкой. Однажды мы приехали на эту остановку с матерью. Мать высадила нас с сестрой на мостовую, а сама не успела сойти и трамвай тронулся. Я помню, с каким криком и плачем бежала за трамваем до самого почти Лиговского проспекта, пока вожатая, очевидно, увидев меня бегущую или услышав вопли матери, стоящей в дверях вагона, не остановила трамвай. Я настолько была привязана к родителям, что не могла оставаться без них на длительный срок.

22 ноября 1942 года.

В ходе блокады Ленинграда началась действовать Дорога жизни – ледовая трасса через Ладожское озеро. Благодаря ей множество детей смогли отправиться в эвакуацию, но не мы с сестрой. До этого некоторые из них прошли сиротские дома – чьи-то родные погибли, так же как и наши, а чьи-то – пропадали на работе целыми днями.

В начале войны, мы с сестрой не осознавали, что и детство наше, и семья, и счастье когда-нибудь разрушатся. Но почти сразу это почувствовали. Подслушивая разговоры посторонних с сестрой, я медленно начала понимать, что, если мы с сестрой сохраним жизнь, мы лишимся детства. Да, точно, я забыла рассказать, как я с семьёй оказалась в городе, Мы с семьёй приезжали к бабушке с дедушкой. Да так там и остались. **Моя семья погибла при бомбёжке, остались только я с сестрой.**

Так мы с сестрой остались вдвоем. Чтобы получить отъ хоть какие-то карточки, нам пришлось идти в города – иначе бы никто не поверил, что мы. Хотя, наша бабушка пережила и была очень осторожна, и стенной шкаф всегда забивался макаронами. И это нас очень голодную зиму, а ещё дрова, дровяном сарае.

А потом становилось хуже и хуже, голоднее голоднее. Мама говорила, когда была ещё что мы всё

– а когда будет обед?

Что мне больше всего

кружки с водой

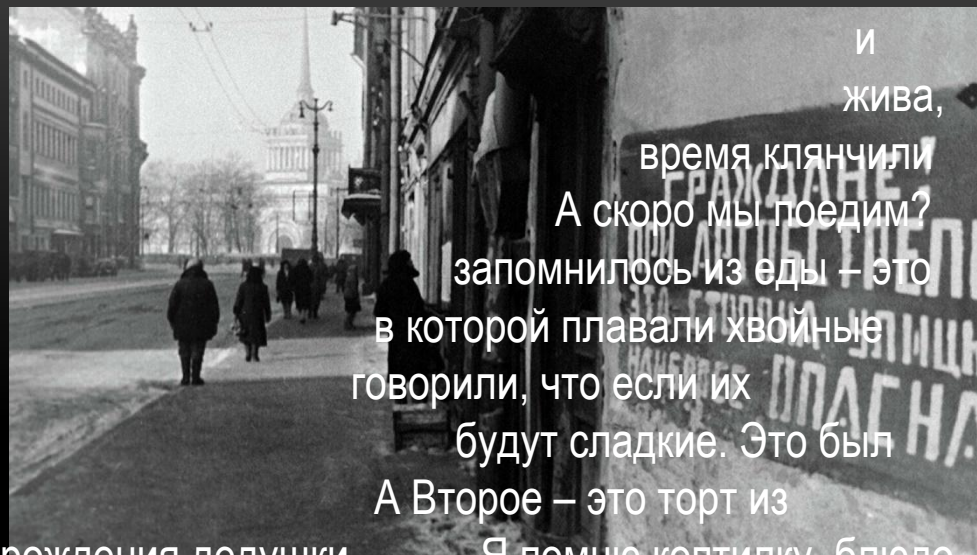
иголки. Нам

размешать сто раз, они

напиток от цинги.

столярного клея, который был сделан на день рождения дедушки.

Я помню коптилку, блюдо чуть ли не кузнецовского фарфора, на котором лежало желе. А третье блюдо, которое мне запомнилось, это когда мне стало совсем плохо и я попала в детскую больницу, мне дали такую конусообразную румяную булочку из казеинового клея, и я помню её вкус – совершенно замечательный. Во вторую блокадную зиму с продуктами стало совсем плохо, так как погибли родители. Так вот, как я уже говорила, нам с Людой, так звали мою сестру, пришлось идти в центр города, чтобы получить хоть какие-то карточки. Шли пешком – транспорт давно не ходил. И медленно, сил совсем не было. Добирались три дня. И у нас снова украли карточки – все, кроме одной. После этого Люда отправилась работать – четырнадцатилетние дети считались уже «взрослыми». Но, после очередной бомбежки, когда я пришла с бомбоубежища одна, я поняла, что дома больше нет, как и сестры. В тот момент я упала на землю, из последних сил истошно крича и царапая землю, осознав, что больше родственников у меня нет. Я сидела на земле и глупо смотрела на неё, кажется, все слезы уже выплакала. Тогда меня подобрала пожилая женщина, узнав о моей ситуации.

и
жива,

время клянчили

А скоро мы поедем?

запомнилось из еды – это

в которой плавали хвойные

говорили, что если их

будут сладкие. Это был

А Второе – это торт из

Я помню коптилку, блюдо

Эта женщина оказалась очень доброй по отношению ко мне. Она никогда не повышала на меня голос, никогда не ругала, если я случайно что-то сломаю. Однажды в 1943 году, мы пошли с тетей Олей пошли на базар – купить хотя бы дуранды, мякоти семечек, оставшейся после отжима масла. И, да, жили мы на Чайковской близко от Невы. Там, к моему ужасу, был сарай для трупов. Так вот, иду я за ручку с тетей Олей, и наблюдаю ужасную картину – на санках везут трупы, завернутые в белые тряпки. А один и труп и вовсе до мурашек по коже поразил меня – везли зашитый, завернутый труп женщины, и на груди у неё лежал маленький ребёнок. У меня даже слез и слов нет, чтобы об этом можно было рассказать. Вернулись я с тетей Олей, у которой поднялась температура, легла она на кровать, и больше не встала. Когда прошло несколько дней, пошла я к проруби за водой, прихожу с ведром, несу его по коридору, слышу тетя Олечка стонет. Она умирала, и это был её последний крик, видно, что она хотела что-то сказать. Я снова осталась одна. Вдруг, вспомнила о той карточке, которая осталась у меня, когда нас с сестрой обворовали. Снова пришлось идти в центр города и отдавать эту последнюю карточку, чтобы хоть как-то похоронить тетю Олю. Я же пошла в детприемник, а оттуда – в детский дом. Помню ощущение слабости и голода. Дети, обычные дети, которым хотелось прыгать, бегать и играть, едва могли двигаться -- словно старушки.

на прогулке увидела нарисованные захотелось прыгнуть. Встала, а могу! Стою, не могу мне,-- Настолько мы были слабы.

Как-то классики, ноги оторвать не и всё, смотрю на воспитательницу и понять, что со мной, и слезы текут. Она «Не плачь, лапонька, потом попрыгаешь!»

В Ярославской области, куда эвакуировали детей, колхозники были готовы им отдать все, что угодно. Так больно было им смотреть на костлявых, изможденных детей. Только вот дать особо нечего. Мы увидели траву и начали ее есть, как коровы. Ели все то, что могли. И не заболели ничем. Тогда же я узнала, что из-за бомбежек и стресса потеряла музыкальный слух. Навсегда.

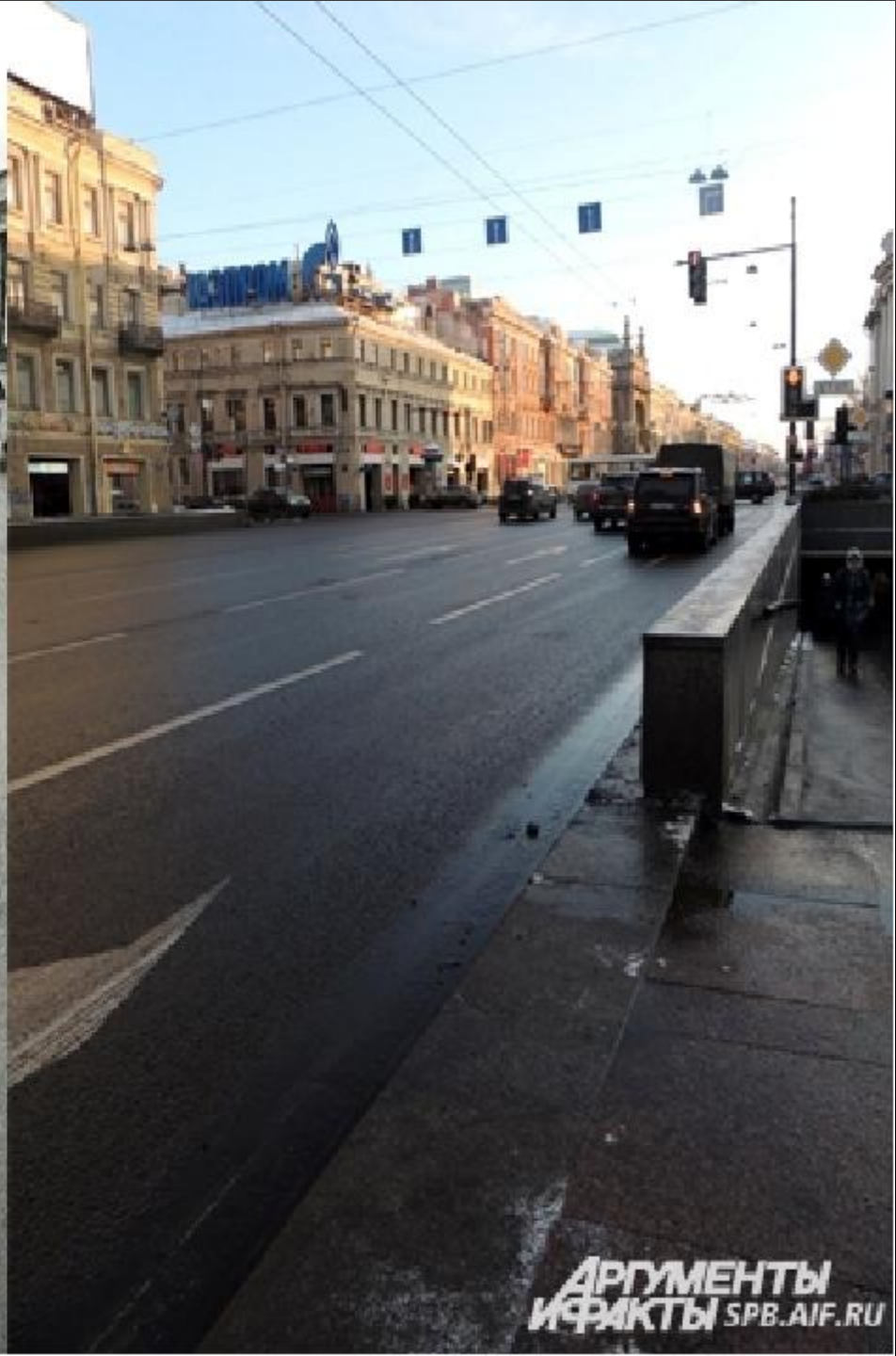
И, даже стоя и наблюдая за салютом, в честь победы, я до сих пор плохо осознавала, что живу какой-то особенно жизнью, я думала, что всегда так – холодно, темно, падают снаряды. И до сих пор помню свой голос еще в 1941 году, «Ребята, в 61-м снаряд взорвался, бежим осколки собирать!» Мы бежали, и победителем был тот, кто принесет самый горячий осколок.

Когда взорвался еще один салют, на деревянный пол упало несколько слезинок, в честь родственников Нади, знакомых и друзей, которых она потеряла тогда, в темном и холодном, блокадном Ленинграде.

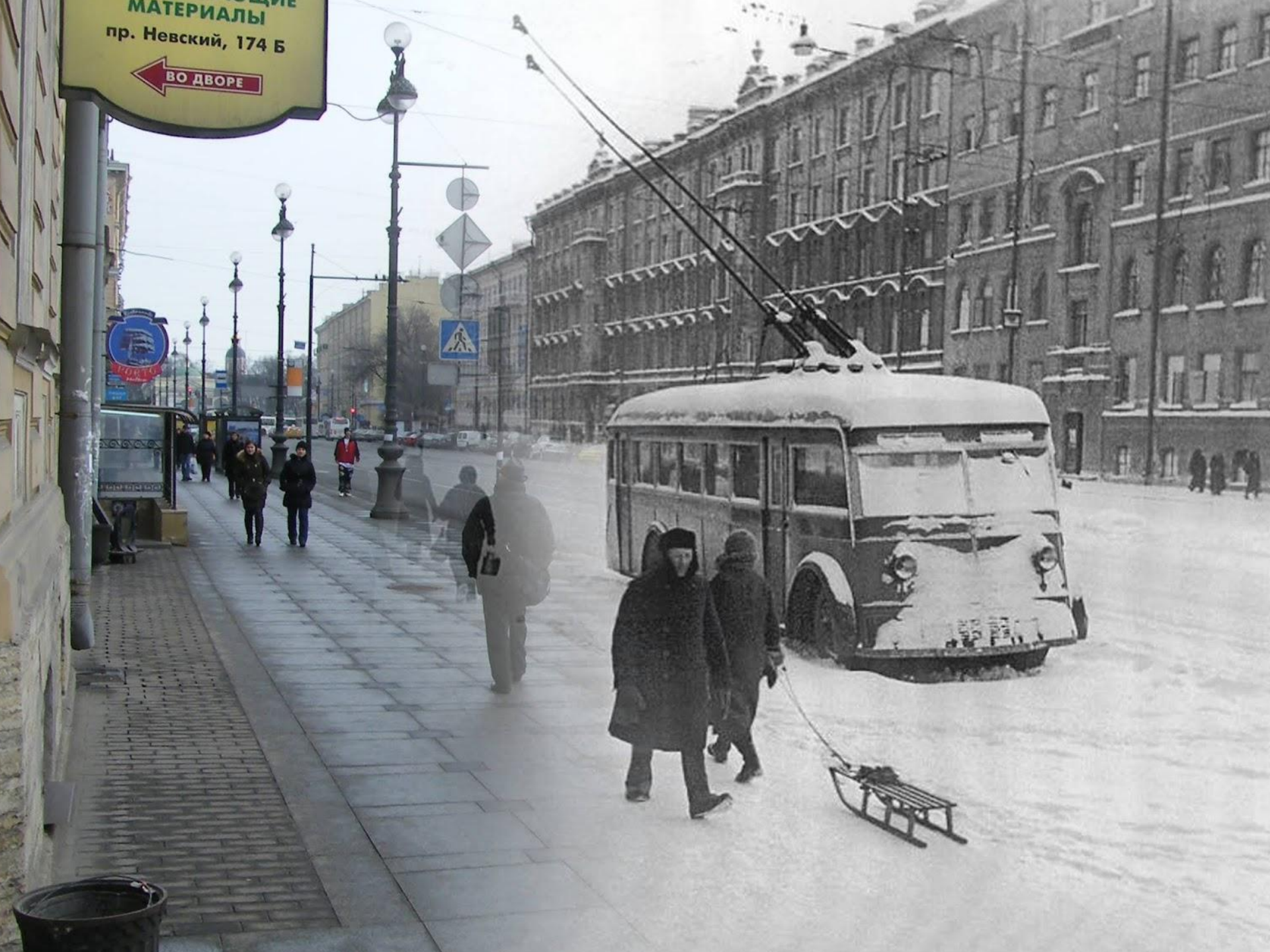

МАТЕРИАЛЫ
пр. Невский, 174 Б
← ВО ДВОРЕ

бар кофейни

ШЕКСНА

СРОМОВСКИЙ ВЪЕЗД

